

ВОПРОСЫ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

Р.Г. Апресян

О [НЕ]ДОПУСТИМОСТИ ЛЖИ (ОБ ОДНОМ КАНТОВСКОМ РАССУЖДЕНИИ)*

В эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»¹ И. Кант разбирает ситуацию, в которой человек предоставляет убежище другу, преследуемому злоумышленником. Вскоре в дверь стучит злоумышленник и в категоричной форме спрашивает, не в доме ли скрывается интересующее его лицо. Как утверждает по этому поводу Кант, строжайшая обязанность человека состоит в том, чтобы сказать злоумышленнику всю правду без утайки.

Кант неоднократно обсуждал проблему лжи, и по крайней мере еще в двух других случаях – соотносено с некими конкретными сюжетами. Так, в «Основоположениях к метафизике нравов» он рассматривает ситуацию заведомо ложного обещания «неплатежеспособного должника»: человек, находящийся в безысходном финансовом положении, обращается к кредитуру, обещая вернуть деньги в положенный срок, зная наверняка, что вернуть не сможет. Такого рода обещания, говорит Кант, недопустимы с правовой и этической точек зрения, поскольку подрывают основы общества, являются преступлением против справедливости и человечности. Они принципиально неуниверсализуемы². В «Метафизике нравов» Кант приводит пример лжи по чужому распоряжению, когда слуга по приказу хозяина сообщает пришедшим, что хозяина нет дома, благодаря чему у хозяина появляется возможность убежать из дома. Убежав, он совершает преступление, чего могло бы не случиться, скажи слуга правду. Здесь на слугу ложится двойная вина: за сказанную неправду и за невольное соучастие в преступлении³.

Неверно думать, что эти кантовские случаи – лишь сюжетно разнообразны. Хотя Кант рассматривает их как однопорядковые разновидности нарушения принципа «не лги», по всем трем случаям предлагая, в общем, одинаковую аргументацию, – эти примеры представляют различные ситуации как в коммуникативном, так и в этическом плане. Это – не примеры-иллюстрации, это типологически различные примеры, и рассматривать их надо, стало быть, в различных нормативных контекстах.

Предметом данного моего обсуждения является лишь сюжет с домовладельцем, предоставившем убежище другу и вынужденным держать ответ перед злоумышленником. Это – наиболее проблематичный кантовский при-

* Статья написана на основе доклада, сделанного на теоретическом семинаре Сектора этики Института философии РАН в декабре 2007 года. Доклад и дискуссия по нему опубликованы в сокращенном виде в ж. «Человек» (2008. № 3–4). Полная версия дискуссии опубликована на сайте Сектора этики Института философии РАН (http://ethicscenter.ru/sem/apr_q.html).

¹ *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // *Кант И.* Трактаты и письма / Ред. А.В.Гулыга. М., 1980. С. 292–297.

² *Кант И.* Основоположения к метафизике нравов // *Кант И.* Соч. Т. III. М., 1997. С. 85–91.

³ *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4(2). М., 1965. С. 369.

мер лжи. Относительно примера с неплатежеспособным должником, собирающимся дать заведомо ложное обещание, я вполне разделяю кантовскую аргументацию. Рассуждение Канта по поводу этого примера безукоризненно. Мне не известно ни одного случая высказываемых сомнений на этот счет. Относительно примера с хозяином и слугой ту же аргументацию Канта можно принять в определенной степени, признавая в то же время, что ситуация по разным параметрам – коммуникативным и поведенческим – значительно сложнее и требует разностороннего анализа. Однако эта же аргументация, примененная Кантом к примеру, разбираемому в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия», вызывает у меня глубокие сомнения по разным основаниям. Во-первых, с метафизически-нормативной точки зрения: находится ли домохозяин в каких-либо отношениях обязанности со злоумышленником, чтобы с него спрашивать, как это готов сделать Кант, за неисполнение обязанности перед ним? Во-вторых, с ситуационно-этической точки зрения: не следует ли в анализе правильного поведения в данной ситуации принимать во внимание и отношения домохозяина с другом? В-третьих, с коммуникативно-этической точки зрения: не окажется ли правдивость перед злоумышленником предательством по отношению к тому, кому предоставлено убежище? В-четвертых, с нормативно-этической точки зрения: не является ли принцип «не вреди» не менее сильным, чем требование «не лги»?

Обнаружение этих аспектов предполагает изменение взгляда на саму ситуацию – расширение предмета внутриситуационного анализа, рассмотрение данной ситуации как коммуникативно и императивно сложной. Эта ситуация не исчерпывается, в отличие от ситуации неплатежеспособного должника, двумя агентами – домохозяином и злоумышленником, в ней неявно присутствует и друг-беглец. Сама ситуация не подпадает под типологическую квалификацию, задаваемую названием эссе: речь идет не о праве лгать «из человеколюбия», а о праве человека лгать в условиях конфликта обязанностей, более того, ради защиты оказавшегося в смертельной опасности подответственного человека, тем более друга.

В своем рассуждении по этому случаю, как и по всем другим, Кант обнаруживает себя метафизиком (нормативности), абсолютистом и универсалистом. Кант рассуждает в данном случае так, как если бы мораль была гомогенна и цельна. Она очевидно не гомогенна в «Метафизике нравов», в которой она выступает, с одной стороны, как право, а с другой как добродетель, а обязанности подразделяются на совершенные и несовершенные. При гомогенном видении мораль – «благополучна», она не знает внутренних противоречий. Другой подход к разбираемому Кантом примеру оказывается возможным при допущении нормативной негомогенности морали, при котором какое-то содержание морали рассматривается как абсолютное, в смысле безусловного и приоритетного, а какое-то – как относительное, в смысле условного; и степень императивности моральных принципов признается различной: наряду с требуемым и запретным есть рекомендуемое и нерекомендуемое, допустимое и недопустимое⁴.

Однако для того, чтобы такой другой взгляд на данный пример стал возможным, необходимо преодолеть односторонне «рецептивное», «рецитативное», «штудийное» отношение к истории мысли. Необходим проблемный,

⁴ В сравнительно-нормативном плане антитетические пары «рекомендуемое–нерекомендуемое» и «допустимое–недопустимое» существенно различны: «допустимое» – гораздо мягче «рекомендуемого», между тем как «недопустимое» – гораздо жестче «нерекомендуемого». Этико-нормативное содержание этих понятий, в особенности в соотношении с понятиями «должное–недолжное» и «правильное–неправильное», изучено недостаточно.

дискурсивный, рационально-критический подход к ней. Так что предлагаемый анализ кантовского эссе менее всего претендует на то, чтобы быть кантианским и кантоведческим. Наоборот, изначально я ставлю кантовскую интерпретацию рассматриваемого примера под вопрос и не признаю ее этическую адекватность за рамками кантианского взгляда на мораль.

Последнее приходится акцентировать, поскольку в литературе⁵ разбираемое эссе не только остается предметом обсуждения и полемики, но среди диспутантов немало и таких, которые разделяют убежденность Канта в том, что требование «Не лги» абсолютно и в полной мере действенно в ситуации, подобной той, что дана в примере.

* * *

Как следует из заголовка, кантовское эссе посвящено проблеме лжи из человеколюбия, или благонамеренной лжи, точнее, недопустимости лжи даже из человеколюбия. В действительности же речь идет не о благонамеренной лжи вообще, а об особом ее случае – лжи в ситуации *принуждения к признанию*, более того, *неправомерного* принуждения к признанию, признанию, ценой которого может стать благополучие, а то и жизнь *другого человека*, по отношению к которому у принуждаемого к признанию есть определенные *моральные обязанности*. Кант же, не вдаваясь особо в анализ сюжета, утверждает, что никакая благонамеренность (в отношении кого-либо и даже друга) не может быть оправданием лжи (по отношению к злоумышленнику), перенося на этот особенный случай *неправомерного принуждения к признанию* логику рассуждения, использованную им при рассмотрении ситуации *заведомо ложного обещания*. Обоснованность такой экстраполяции совсем не очевидна, и Канта это ничуть не заботит. Характерно, что и никто из кантовских последователей в этом вопросе не берется доказать применимость аргументации, выработанной по поводу недопустимости заведомо ложных обещаний, к случаям неправомерного принуждения к признанию, тем более при неминуемых неблагоприятных последствиях такого признания, случись оно, для третьего лица.

Заслуживает внимания, что изначально этот пример – не кантовский. Он был предложен Бенжаменом Констаном, тогда молодым, хотя уже и известным публицистом и деятелем аппарата Директории⁶. Директория решительно выступила против якобинского террора. Пример, приведенный Констаном, – типичная картинка из недавних тогда бесчинств революционного времени. Однако, по-видимому, и Констан всего лишь локализовал уже известный и распространенный в то время сюжет. А.Макинтайр говорил в Тэннеровской лекции, что Сэмюель Джонсон⁷ в одной из бесед, состоявшейся в 1784 г., т.е. ранее выхода в свет статьи Констана, с определенностью заметил Джеймсу Босуэллу, что «если, к примеру, убийца спросил бы вас, в каком направлении ушел человек, вы можете сказать ему неправду, поскольку на вас лежит пре-

⁵ См. анализ различных точек зрения по этому вопросу: Мясников А.Г. Современные социально-этические трактовки кантовского запрета лжи // Этическая мысль. Вып. 7. М., 2006; Он же. Проблема права на ложь (прав ли был Кант) // Вопр. философии. 2007. № 6.

⁶ Впоследствии Б.Констан (1767–1830) – известный поборник либерализма и теоретик конституционной монархии; романист.

⁷ Сэмюель Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) – лексикограф, литературный критик, публицист, автор афоризмов, создатель знаменитого и непреходящего «A Dictionary of the English Language» (1755).

жде наложенная на вас обязанность не выдавать человека убийце»⁸. Джонсон ничего не говорит об основаниях обязанностей или порядке их соподчинения, однако очевидно, что ситуация, которая его волнует, аналогична Констановой. Приводя этот сюжет и иллюстрируя им свою идею о необходимости селективного подхода ко лжи, Констан ссылается на «немецкого философа», не более того. Имя Канта при этом не упоминается. Хотя такого примера у Канта не было, он не посчитал его надуманным. Более того, легко признав и приняв этот пример, Кант откликнулся на него своим комментарием.

Кант не мог не понимать, о чем шла речь в примере Констана, о каком преследовании и каком злоумышленнике. Тем не менее, приступая к обсуждению вопроса, Кант подменяет требование «не лги» требованием «не лжесвидетельствуй» и начинает говорить о правдивости в «показаниях», о показаниях как «свидетельствах», как если бы речь шла не об эксцессах классовой борьбы и безосновательных притязаниях злоумышленника (читай, якобинца), а об ответе перед нормальным, т.е. правоориентированным, судом или на проводимом по закону допросе. Свидетельствовать на справедливом суде – это не то же самое, что свидетельствовать на суде, подчиненном произволу правителя, и тем более не то же, что информировать злоумышленника под принуждением, к тому же информировать злоумышленника, нарушая обязанности перед третьими лицами. Кант не дает никаких оснований, которые бы объясняли его истолкование ответа домохозяина на случайный вопрос случайного человека в качестве показаний. Показание – это не всякое сообщение, а сообщение под обязанностью, сообщение лица, в силу каких-то обязательств подотчетного тем, кому сообщение адресуется. Никакой подотчетности, никакой обязанности домохозяина перед злоумышленником нет и быть не может, поскольку это (в силу определяющего условия кантовского сюжета) злоумышленник.

Для Канта вследствие определенно понимаемого им рационализма и априоризма, которых он последовательно придерживался, нет различия между разными ситуациями принуждения к ответу. «Обязанность говорить правду (о которой здесь только и идет речь), – утверждает он, – не делает никакого различия между теми лицами, по отношению к которым нужно ее исполнять, и теми, относительно которых можно и не исполнять; напротив, это *безусловная обязанность*, которая имеет силу во всяких отношениях»⁹. Непризнание каких-либо различий между ситуациями и лицами как будто бы разъясняется из самого Канта, специально оговаривающего, что его рассуждение относится к области метафизики права, которая «совершенно отвлечена от всяких условий опыта»¹⁰. Понятно, что к «условиям опыта» относится определенность лица, которому направлено сообщение: сообщение должно быть правдивым, независимо от того, кому оно направляется. Но относятся ли к «условиям опыта» интересы третьего лица, которого это сообщение касается, или *право* лица на то, чтобы его интересы соблюдались, если не в позитивной, то хотя бы в негативной форме, теми, чьими действиями, как им достоверно известно, его интересы затрагиваются непосредственным и неминуемым образом?

⁸ Dr. Johnson's Table Talk: Containing Aporisms on Literature, Life, and Manners... Selected from Mr. Boswell's Life of Johnson. Vol. I. L., 1807. P. 118. <http://books.google.com/books?id=5gQlAAAAMAAJ&printsec=frontcover&dq=Dr.+Johnson%27s+Table+Talk&lr=&hl=ru>. См.: MacIntyre A. Truthfulness, Lies, and Moral Philosophers: What Can We Learn from Mill and Kant? // The Tanner Lectures on Human Values. Vol. 15, Salt Lake City, 1994. P. 310 (А.Макинтайр цитирует С.Джонсона по другому изданию).

⁹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Указ. изд. С. 296.

¹⁰ Там же.

Настаивая на правовом характере своей аргументации, Кант, вместе с тем, не принимает полностью того уточнения понятия лжи, вносимого юристами, согласно которому ложь сопряжена с вредом. Оно избыточно. Достаточно, говорит Кант, определения, согласно которому под ложью понимается «умышленно неверное показание против другого человека»¹¹. Скорее всего, это определение лжи как лжесвидетельства. Мы видели, что Кант необоснованно перевел разговор в плоскость показаний и свидетельств, поэтому для него такое определение значимо. Однако отвлечемся от специфичности приведенного определения и сосредоточимся на словах «против другого человека». Как можно оценить *правдивую* информацию, сообщаемую не в суде, не представителям власти, не перед угрозой общественной опасности и хотя и не разбойнику, но архаровцу, определенно злоумышленнику (повторю: по условиям ситуации), направленную против третьего лица (в нашем примере – гостя и друга)?

В «Метафизике нравов» Кант дает близкое вышеприведенному правовое, как он подчеркивает, определение лжи, которой «в учении о праве называется извращение истины только тогда, когда ложь нарушает права других»¹². Это определение кажется довольно странным. Оно, точно, не отвлечено от всяких условий опыта, поскольку в нем идет речь о правах других. Из него можно сделать вывод, что извращение истины, не сопряженное с нарушением прав других, ложью может не считаться. Однако примем предложенную в нем спецификацию: нарушение прав других, – и вновь зададимся вопросом: как нам оценивать сообщение правдивой информации злоумышленнику, сопряженное с очевидным нарушением прав третьего лица (в нашем примере – гостя и друга)? Правдивым сообщением злоумышленнику, содержащим информацию, наносящую ущерб третьему лицу, домохозяин нарушает не только обязанности дружбы, но и обязанности гостеприимства, усиленные предоставлением убежища. Кажется несомненным, что правдивая информация в адрес злоумышленника оказывается в данном примере возможной лишь как следствие попрания обязательств по отношению к другу.

Кантианцы и апологетически настроенные кантоведы указывают на то, что аутентичное восприятие кантовского эссе требует учета того, что Кант развивает не морально-философское, не этическое, а правовое рассуждение – точнее сказать, граждански-правовое, или публично-правовое. Насколько существенно это обстоятельство для нас? Если уж указывать на точные контексты, то надо принимать во внимание и определенные кантовские подтексты употребляемых понятий. *Публичное право*, по Канту, – это не государственное право; оно не имеет никакого отношения к позитивному праву. Это философское, метафизически-правовое понятие, обозначающее «совокупность *внешних законов*, которые делают возможным» право как таковое, т.е. «ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону»¹³. Публичное право задает обязанность перед человечеством и перед другим как другим вообще, т.е. неконкретным другим. В противоположность этому Кант раскрывает этический ракурс рассмотрения, при котором предметом внимания становятся обязанности человека по отношению к самому себе.

¹¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Указ. изд. С. 293. Как верно замечает В.Шварц, кантовское понятие лжи шире юридического, оно освобождено от условия причинения вреда конкретному другому. (*Schwarz W. Kant's Refutation of Charitable Lies // Ethics. Vol. 81 (Oct., 1970). № 1. P. 63*).

¹² Кант И. Метафизика нравов. С. 366.

¹³ Там же. С. 78.

В примечании к обсуждаемому эссе Кант подчеркивает, что он не говорит о такого рода обязанностях, поскольку это «...относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности»¹⁴. Получается, что в данном эссе Кант задает этическому особые рамки. В «Метафизике нравов», в части, посвященной добродетели, сфера этического определяется Кантом существенно шире: это не только обязанности по отношению к самому себе, но и обязанности по отношению к другим. Если же обратиться к учению о категорическом императиве, то можно увидеть, что им (в частности, в его втором практическом принципе) в качестве специального предмета компетенции указывается отношение к человечеству – определенное отношение к человечеству. Можно сказать, что категорический императив – это общенормативный принцип, лежащий в основании как нравственности, так и права; но из этого отнюдь не вытекает, что обязанность по отношению к человечеству не входит в круг нравственности, а принадлежит исключительно праву.

Разделение этического и юридического подходов в анализе данной ситуации не кажется мне сколько-нибудь продуктивным в данном случае. Независимо от кантовского и кантианского контекста, я вижу различие моральных и правовых предписаний не в содержании предписываемого (по этому показателю моральные и правовые предписания могут и не различаться) и не в степени их обязательности (вопрос о силе императивности еще должен быть прояснен как на концептуальном уровне, так и с учетом практического опыта, на основе анализа различных нормативных ситуаций), – а в разности их целей. Право сориентировано на сохранение (со)общества в его формальных и институционально определенных границах и обеспечение блага индивидов как членов этих сообществ. Мораль ориентирована на соблюдение достоинства и сохранение блага индивидов как таковых, в их соотносительности друг с другом, а также (со)обществ – как условий и среды достойного благополучия индивидов. С этой точки зрения меня и волнует ситуация, в анализе которой Кант предложил подход, наиболее интересный в исследовательском плане, парадоксальный по своим выводам, по-прежнему интеллектуально будоражащий, – однако аналитически вовсе не исчерпывающий.

* * *

Каким мог бы быть в данном случае не метафизически-, а практически-философский, в частности, этический подход? Если даже он не осуществим в контексте самой кантовской практической философии, он вполне осуществим с использованием ее элементов и на основе соотношения стоящего перед домохозяйном выбора с (а) практическими принципами категорического императива и (б) фундаментальными обязанностями человека. Вопрос о соответствии кантовского решения данного случая с его метафизикой нравственности обсуждается в литературе. На это обращает внимание А.Макинтайр, указывающий в косвенной полемике с кантианцами, что кантовская трактовка проблемы лжи даже по отношению к таким неоднозначным случаям вовсе не выбивается из логики учения о категорическом императиве, а, наоборот, органично укладывается в его метафизический и этический контексты¹⁵.

¹⁴ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. С. 293.

¹⁵ MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant? // Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge, 2006. P. 127–128.

Однако мне представляется, что предпочтение правдивости, а Кант говорит даже о справедливости (правдивость по отношению к злоумышленнику как выражение справедливости перед человечеством) вынужденной лжи, неприемлемо по этическому критерию, который предполагается вторым практическим принципом категорического императива: не относиться к другому только как к средству, но относиться к нему также как к цели. Вопрос в том, с кем посредством второго практического принципа мы связываем домохозяина? Например, К.Корсгаард считает, что если с позиции первого практического принципа, или формулы универсальности, ложь еще может быть признана допустимой, то как раз в свете второго практического принципа, или формулы человечности, ложь никак не может быть признана допустимой. Второй практический принцип повелевает относиться к другому как принадлежащему к Царству целей, а если прибегать к использованию другого, то только с его согласия. Обманывая другого, мы по сути относимся к другому как к средству. Обман, подчеркивает К.Корсгаард, «представляет собой для Канта парадигмальный случай отношения к другому только как к средству. Любая попытка контроля за действиями и реакциями другого иначе, чем посредством обращения к его разуму, означает отношение к нему только как к средству»¹⁶. С этим можно согласиться. Но нельзя согласиться с тем, что Корсгаард, по сути оставаясь в рамках кантовского анализа, упускает из виду друга. В сообщении правды как действии, взятом самом по себе, изолированно от ситуации в целом, домохозяин никак не относится к другу, ни как к цели, ни как к средству. Но человеческие действия существуют сами по себе, изолированно от контекста только в головах философов, обращенных взором к звездному небу. Как можно абстрагироваться от друга в данном сюжете? Друг непосредственно включен в ситуацию, он является предметом возможного сообщения домохозяина злоумышленнику, этим сообщением прямо затрагиваются его интересы. Приверженностью к честности и стремлением к нравственной чистоте в отношениях со злоумышленником домохозяин волей-неволей выводит друга за рамки Царства целей. У Канта получается, что абстрактная справедливость (в отношении человечества, или человечности) выше обязанности перед конкретным человеком, а конкретный человек оказывается средством для абстрактного совершенствования человека. Рассматривая данную ситуацию, Кант как будто бы обращает внимание на разные ее аспекты: на обязанности человека по отношению к самому себе (соответствовать долгу), по отношению к человечности, по отношению к злоумышленнику. Он лишь не принимает во внимание... обязанности домохозяина по отношению к другу.

В рассмотрении данного случая нам нет нужды непременно оставаться в рамках кантовской методологии. Мы можем примерить к анализу данного примера утилитаристскую этику или этику заботы (оба подхода основаны на этическом консеквенциализме). Мы можем проанализировать данный случай с позиций этики добродетели, отличной от двух названных и близкой к кантовскому принципализму (деонтологизму). Ни при одном из этих подходов предательство не может быть оправданным. Заслуживает внимания то методологическое обстоятельство, что в анализе данной ситуации принципализму не противопоставляется непременно консеквенциализм. Консеквенциализм мог бы оправдать воздержание от

¹⁶ Korsgaard C. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 15 (Autumn, 1986). № 4. P. 336.

правдивого информирования злоумышленника ссылкой на необходимость защитить спрятанного друга от грозящей ему опасности вплоть до смертельной опасности¹⁷.

Но кантовскому решению можно возразить и с принципалистских позиций. Выдачей информации о спрятавшемся друге нарушаются обязанности перед последним и, таким образом, разрушается предполагаемый дружбой порядок доверия, преданности и взаимной заботы. Никак не обоснованы формальные, этико-нормативные аргументы такого рода, что требование «не лги» зафиксировано почти во всех моральных кодексах, между тем как в них нет ничего похожего на требование преданности в дружбе. Такое впечатление может вытекать из односторонне императивистского взгляда на мораль, при котором мораль сводится к сформулированным правилам *прямого действия*. Во всех культурных традициях наряду с формальными кодексами существуют разнообразные сюжеты, наставления, образцы, утверждающие ценность дружбы, неременность преданности и заботы в дружбе. Поэмы Гомера, Библия, эпос любого народа содержат яркие образы дружбы и многочисленные указания на то, каковы должны и совершенные отношения в дружбе. Все традиции провозглашают верность в дружбе в качестве добродетели, а предательство как порок. Так что к домохозяину, находящемуся перед выбором, взывает не только требование «не лги», но и требование хранить дружбу и быть другом другу. Нельзя быть другом всему человечеству, предавая своего конкретного друга, к тому же предавая злоумышленнику, т.е. отдавая на зло. Моральная логика здесь та же, что и в известном стихе евангелиста: «Кто говорит: “Я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?» (1 Ин. 4, 20).

Помимо критически-этического взгляда на кантовский анализ, представляет интерес и критически-социологический взгляд. Каково предполагаемое кантовским анализом устройство общества, если основополагающим для него является обязанность правдивости перед замышляющим зло, а не преданность другу, преследуемому злоумышленником? Если исходить из Канта, получается, что любые отношения между людьми, включая отношения со злоумышленником, оказываются базовыми для общества и для человечества вообще. Понятно, когда фундаментальное значение приписывается правдивости перед теми, в отношении кого взяты обязательства. Не вызывает сомнения этот кантовский тезис, высказанный в связи с запретом на дачу заведомо ложных обещаний и по поводу потенциальных отношений между заимодавцем и заемщиком, которые являются непременно правооформленными и в качестве таковых, конечно, значимыми для устройства общества. Однако можно ли предположить какую-либо правоотношенность отношений между домохозяином и злоумышленником, возникающих спонтанно и к тому же против воли одной из сторон? С точки зрения обязанности, домохозяин не находится ни в каких отношениях со злоумышленником, просто потому, что это злоумышленник. В отношениях со злоумышленником домохозяин – в «естественном состоянии»¹⁸, при котором он может исходить исключительно из своего собственного разумно понятого интереса и которое потенциально является состоянием войны всех против всех.

¹⁷ Смертельность опасности легко вычитывается из кантовского обсуждения ситуации. Этого склонны не замечать некоторые про-кантовские комментаторы. См.: Schwarz W. Kant's Refutation of Charitable Lies. P. 64.

¹⁸ В естественном состоянии – в гроциевском и гоббсовском, а не кантовском его понимании.

Этот аспект проблемы затрагивался в литературе. В частности, рассматривался и с противоположных предлагаемым мной позиций. Например, Йон-Гук Кимом, который полагал, что в момент, в который представлена ситуация в данном примере, у домохозяина еще сохраняются взаимоотношения со злоумышленником, поскольку злоумышленник еще не совершил преступления, если он и отказался от каких-то своих обязательств, то это обязательства по отношению к преследуемому другу, а не по отношению к домохозяину. Поэтому последний «по праву принуждается к ответу, так как спрашивающее его лицо является злоумышленником только для преследуемого друга»¹⁹. Однако далее Йон-Гук Ким добавляет, что если злоумышленник проявит угрозу или прямое насилие к домохозяину, тогда тот будет вправе защищаться всеми доступными средствами, в том числе и с помощью обмана. Полагаю, что Ким воспроизводит кантовское видение общества как общества атомарных, коммунитарно и коммуникативно индифферентных индивидов. Для Кима, как и для Канта, домохозяин, в силу неведомой нормативной логики находясь в отношениях обязанности со злоумышленником, не имеет никаких обязательств по отношению к другу и безразличен к явной угрозе, исходящей от злоумышленника по отношению к другу.

Между тем именно в отношениях домохозяина с другом мы как раз и можем говорить об отношениях принятой и признанной зависимости, отношениях обязанности и в этом смысле как бы *договорных* отношениях. Причем в обсуждаемой Кантом ситуации это сложные, двоякие обязанности. Обязанности дружбы дополнены (а в данном случае и осложнены) обязанностями гостеприимства. Самим фактом предоставления убежища другу дается *обещание* защиты. К этому аспекту ситуации нужно отнести все то, что Кант говорил по поводу заведомо ложных обещаний. Однако это и не принимается Кантом во внимание. Для него некая абстрактная обязанность домохозяина по отношению к злоумышленнику фактически оказывается приоритетной в сравнении с обязанностью по отношению к другу, соединенной к тому же, как было сказано, с обязанностью гостеприимства, а также обязанностью, принятой по факту предоставления убежища.

Таким образом, на самом деле у домохозяина в данной ситуации нет никаких обязанностей перед злоумышленником, кроме тех, что могут быть помыслены лишь для того райского состояния человечества, при котором выполнение обязанности справедливости по отношению ко всему человечеству оказывается условием справедливости в отношении каждого человека или, другими словами, исполнение долга справедливости по отношению к одному оказывается условием справедливости по отношению к любому другому. Поскольку же это понимание справедливости и человечности годится только для райского, или соборно-человеческого состояния, т.е., строго говоря, такого состояния, в котором мораль более и не нужна, – то необходимы уточнения морали и, в том числе, требования «Не лги» для земного состояния, для которого, собственно, и предназначена мораль.

Предположим, что я готов на время отступить от своей позиции и признать, вслед за Кантом, что у домохозяина есть какие-то обязанности по отношению к злоумышленнику. Однако и при этом я не могу согласиться с тем, что у него нет никаких обязанностей по отношению к другу. При такой трансформации нормативного контекста обсуждаемого сюжета мы можем получить *конфликт обязанностей*. Конфликт обязанностей – очень важный

¹⁹ Цит. по: Мясников А.Г. Современные социально-этические трактовки кантовского запрета лжи. С. 152.

момент социально-нравственного опыта, и только ради выделения этого момента я и пошел частично на попятную в своей трактовке данной ситуации. Здесь я допускаю уже двойное отступление от кантовского анализа ситуации и кантовских установок этого анализа. Помимо включения в предмет анализа также и друга, я допускаю возможность конфликта обязанностей, которую сам Кант решительно отрицал. Условием мыслимости конфликта обязанностей является признание гетерогенности морали. Возможность конфликта обязанностей требует уяснения путей выхода из него, критериев принятия решения и оснований выбора. Тем самым отдельно встает теоретическая задача установления возможных различий по степени императивности обязанностей человека перед разными другими – перед близкими, посторонними и тем более чужими (к кому, разумеется, относятся злоумышленники). Незамечание возможности конфликта обязанностей выражает, на мой взгляд, невнимание к практической нравственности, что оборачивается, по меньшей мере, недостаточностью этического анализа, а в конечном счете, как мы видим в случае с Кантом, и скрытой апологией аморализма – в виде предательства по отношению к гостю и другу ради личной честности перед злоумышленником. Характерно, что в «Метафизике нравов» проблема лжи разбирается не в контексте человеческих отношений, а в связи с «долгом человека перед самим собой, рассматриваемом как моральное существо»²⁰ (при том что в «Лекциях по этике» Кант говорит о лжи и правдивости в связи с обязанностями именно по отношению к другим).

Констановский сюжет в его восприятии Кантом можно дифференцировать²¹: 1. В части беглеца: а) в доме находит убежище друг, б) попросивший об укрытии посторонний, в) ворвавшийся в поиске убежища незнакомец, г) просто недруг, захвативший в заложники домочадцев. 2. В части преследователей: а) беглеца преследует злоумышленник, б) беглеца преследует полиция. 3. В части морального статуса лица, скрывающегося в доме: а) о нем достоверно известно, что он невиновен, б) что он виновен. Не говорю о том, что злоумышленник мог не друга преследовать, а прийти в дом и потребовать от хозяина выдачи ближайшего родственника, подозреваемого в неблагонадежности. По Канту, выходило бы, что ради справедливости перед человечеством надо выдать на смерть и сына, и брата.

С точки зрения Канта, поведение домохозяина не должно зависеть от перечисленных и возможных других частных характеристик ситуации. С точки зрения строгих теоретиков морали, такого рода частности житейского характера не должны определять этическую теорию; этическая теория должна быть свободна от особенных черт конкретных обстоятельств. Это, несомненно, так: этическая теория не может сводиться к анализу ситуаций и казусов.

²⁰ Кант И. Метафизика нравов. С. 366–369.

²¹ Пути дифференциации кантовского сюжета могут быть различными. Я в данном случае произвожу дифференциацию по характеру включенных в него лиц, но не по характеру возможных в заданном сюжете контексте событий и действий. Так, Б.Г.Капустин развивает вариацию, согласно которой спрятавшийся гость – отнюдь не безмолвная «мышка», и он готов, используя дом не как укрытие, а как засаду, при первом же удобном случае неожиданно накинуться на злоумышленника с имеющимся кинжалом. Добавлю: с кинжалом, найденном в доме (будь у него кинжал ранее, он мог оказать сопротивление и в другом месте, или злоумышленник мог бы быть готов к возможному сопротивлению). Это развитие сюжета представляет особый интерес в свете полагаемой Кантом обязанности говорить правду. Домохозяин сказал правду, а его друг не ушел через заднюю дверь, как допускал Кант, а сам напал на злоумышленника. Какова, задается Б.Г.Капустин вопросом, цена такой правды? И какова ответственность человека за последствия правдивой информации? (Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 106).

Но этическая теория должна давать ключ к анализу ситуаций и казусов. И если даваемый ею ключ ведет к оправданию, пусть и неясному, предательства, значит, в этой этической теории что-то не так. Какой смысл в этике, если она не практична?

Кантовский текст дает нам основание допустить, что Кант принимал во внимание практическую сторону дела. Так, обосновывая необходимость именно правдивого ответа на вопрос злоумышленника, предполагая, тем самым, возможность выдачи друга, Кант приводит следующий довод: домохозяин ради друга отвечает ложью на вопрос злоумышленника; а в это время друг, поняв, что ему угрожает опасность, незаметно выходит из дома, убийца же (в кантовском рассуждении «злоумышленник» случайно трансформируется в «убийцу», что, несомненно, усиливает драматизм ситуации), встречает его на дороге и совершает преступление. Так вот при таком исходе дел, по Канту, домохозяин будет по праву «привлечен к ответственности как виновник его смерти»²². При правдивом ответе домохозяин никакой ответственности за последствия не несет, т.к. вред, причиненный его другу, будет следствием не его слов, а случая. «Если ты своею *ложью* помешал замыслиющему убийство исполнить его намерение, то ты, – утверждает Кант, – не сешь юридическую ответственность за все могущие произойти последствия. Но если ты остался в пределах строгой истины, публичное правосудие ни к чему не может придрагаться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка»²³. Очевидно, что из этого следует лишь один вывод: не делать ничего, а только следовать предписаниям, прячась за них от возможной ответственности. Домохозяин понуждаем внешней силой к ответу перед злоумышленником, и поэтому его действия несвободны, говорить правду он должен по закону.

Таким образом, получается, что при условии правдивости, предвидимые неминуемые прямые последствия которой очевидны и которая предоставляет возможность действовать «случаю», домохозяин остается невиновным и не несет ответственности. Однако при маловероятном стечении обстоятельств, когда при дезориентации злоумышленника, непредвиденном бегстве друга в направлении, случайно совпадающем с тем, что было указано дезориентацией, и его обнаружении злоумышленником, – домохозяин оказывается ответственным за случившиеся из-за последующего стечения обстоятельств.

Кант, впрочем, пытается сохранить при этом надежду другу, допуская, что пока домохозяин, исполняя долг правдивости, чистосердечно отвечает злоумышленнику, к происходящему невероятным образом может быть привлечено внимание соседей, которые могут забеспокоиться, вмешаться в ситуацию и схватить убийцу. В той мере, в какой Кант, изначально претендуя на «чистое» рассмотрение ситуации, еще более привязывает таким допущением свое рассуждение к «условиям опыта», это дополнительное движение кантовской мысли неоправданно. Но в плане этического рассмотрения ситуации Канту нельзя отказать в последовательности: он не принимает во внимание хотя бы минимальнейшую возможность каких-либо активных действий домохозяина, направленных на защиту друга, и, стало быть, то, что домохозяин ответственен за его судьбу.

Для Канта не только не существуют *другие* как конкретные другие. Он в целом не чувствителен к коммуникативным отношениям, к возникающим в них ожиданиям и обязательствам. Кант постулирует безусловную ответ-

²² Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. С. 294.

²³ Там же.

ственность перед абстрактным законом и фактически не предполагает никакой ответственности перед конкретным человеком – ни перед ближним, ни перед близким.

Кант прав, человек далеко не в полной мере отвечает за последствия своих поступков, тем более в нестандартных условиях революционного (тоталитарного, криминального) произвола. Однако отсюда не следует, что человек вообще не отвечает за свои поступки. Если же кто-либо попытается, ухватившись за эту мысль морального философа, снять с себя ответственность за себя и свои поступки, к нему легко можно предъявить суровые нравственные претензии – причем по Канту же (но как автору «Основоположений к метафизике нравов») – за отказ от сохранения и совершенствования себя в качестве нравственного субъекта. Отказом от ответственности, в особенности нравственной ответственности, человек лишает себя членства в ноуменальном мире.

Трудно сказать, исходя из какой моральной системы Кант положил принципы «Не убий» и «Не лги» в качестве абсолютно приоритетных для морали. Эти принципы содержатся во всех моральных традициях человечества. И всегда – среди основных принципов. Но никогда в качестве верховных, абсолютно приоритетных. В христианской этике высший моральный принцип выражен в заповеди любви. Любовь *рекомендована*, между тем как справедливость, выраженная в требованиях Декалога, в особенности тех, которые даны в негативной форме запретов, *вменена*. Самой простой и обобщенной формулой справедливости является требование «не вреди» как *минимальное требование* морали. Нередко можно услышать мнение, порой и из уст моральных философов, что требования «не вреди» и «возлюби» формальны, из них не следует с определенностью, что делать, и они только дезориентируют людей. Но для того и дано золотое правило, чтобы в ситуациях, когда не знаешь, в чем конкретно заключались бы невреждение и забота в отношении другого, были ориентиры для правильного поведения, да любовь и сама подскажет.

Однако общие моральные принципы не имеют прямого действия, и кантовский анализ данного конкретного примера хорошо это показывает. Человеческие отношения разнокачественны, и без принорования к ним действий, совершаемых в соответствии с общими моральными принципами, легко можно попасть впросак. В этом вопросе гораздо более вдумчивыми и лучше чувствующими неоднозначность морального опыта оказываются такие мыслители, как, например, Августин, который, отвергая в принципе ложь, указывал, что определяющим предметом в оценке поступка является совершенное благодеяние; а если для его совершения была допущена ложь, она может быть признана извинительной²⁴.

Упомянувшийся выше С.Джонсон в связи с дилеммой лгать или не лгать убийце сформулировал следующее общее правило: «Следует всегда придерживаться Истины, потому что для того, чтобы наша жизнь была спокойна, мы должны обезопасить себя взаимным доверием, и мы должны быть готовы принять случайные неудобства, связанные с необходимостью сохранения Истины»²⁵. К нему он и присоединил приведенную выше оговорку о допустимости неправды в адрес убийцы на основе принятого прежде (наложенного моралью) обязательства не потворствовать злу. Понимание необходимости поддержания условий, или режима взаимного доверия, разделяется и Макин-

²⁴ Августин. Энхиридион [Лаврентию], или О Вере, надежде и любви. Киев, 1996. С. 303.

²⁵ Dr. Johnson's Table Talk... P. 118.

тайром, который, идя вслед за Джонсоном, предлагает свое *правило правдивости*: «Во всех своих действиях придерживайся правдивости и всегда будь безусловно правдивым, допуская ложь лишь для защиты этих правдивых отношений от агрессора и то лишь при условии, что ложь является наименьшим злом, с помощью которого можно обеспечить эффективную защиту от нападения»²⁶.

Таким образом, применение общих принципов опосредствовано, с одной стороны, частными по содержанию требованиями и правилами, обеспечивающими определенность и действенность общих принципов, а с другой – принятием в конкретных ситуациях на их основе индивидуальных, морально ответственных, ситуативно и коммуникативно релевантных решений.

²⁶ *MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant? // Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge, 2006. P. 139.*